

И больше никакой пользы.

Се Цзяньвэй тоже ничего особенного не делал — видимо, вся «божественная воля» сосредоточилась на нем. После такого чудовищного столкновения он отделался лишь легким испугом, ел за обе щеки, а спустя неделю его даже начало понемногу одолевает зуд.

И в сердце зудело, и в других местах тоже.

В эти дни Лу Ли казался Се Цзяньвэю просто умопомрачительно милым!

Он был похож на огромную виляющую хвостом волчью собаку, которая искренне и неотступно крутилась вокруг него. Лишившись своего высокомерия, его черные глаза переполнялись столь густыми и насыщенными чувствами, что от этого приторного умиления сводило скулы.

В груди Се Цзяньвэя разливалось горячее тепло, и он ни капли не возражал побаловать своего пса.

Поэтому они целовались и обнимались, прямо в больничной палате унимая этот зуд.

Покончив с этим, Се Цзяньвэй почувствовал, что получил такой мощный кайф, от которого голова пошла кругом и он еще долго не мог прийти в себя.

В итоге этот вид напугал Лу Ли не на шутку:

— А-Вэй?

Се Цзяньвэй молчал.

Лу Ли тут же заключил его в объятия, осторожно коснулся едва заметного шва на его талии и нахмуренно спросил:

— Сделал тебе больно?

Се Цзяньвэй издал приглушенный стон под его напором:

— Не больно.

Услышав его голос, Лу Ли успокоился и снова произнес:

— Давай больше не будем, вот поправишься...

Се Цзяньвэй уткнулся лицом в его сгиб локтя и невнятно пробормотал:

— Не больно, просто...

Лу Ли расслышал не всё:

— М?

Се Цзяньвэй ответил:

— ...Слишком хорошо.

Лу Ли:

— ...

У Се Цзяньвэя не только в груди все пылало, лицо тоже вот-вот готово было сгореть от стыда.

Лу Ли заставил его поднять голову, заглянул в покрасневшие щеки и бегающие глаза, и ему показалось, будто его ударило током. После чего... хм... довёл человека до слез прямо во время соития.

Се Цзяньвэй пробыл в больнице полмесяца, и все это время Лу Ли действительно изо всех сил помогал ему «восстановить память».

К сожалению, эти воспоминания были сплошной фальшивкой.

Се Цзяньвэй спросил его:

— Как мы встретились и как полюбили друг друга?

Лу Ли, разумеется, не стал бы говорить, что был всего лишь его постельным партнером и секс-игрушкой. Скинув маску, он тут же выпалил:

— Я влюбился в тебя с первого взгляда, целых три месяца добивался, прежде чем ты меня принял.

Се Цзяньвэй улыбнулся:

— Так долго добивался?

Лу Ли щелкнул его по носу:

— Сначала ты не любил мужчин.

Се Цзяньвэй широко раскрыл глаза:

— Я не любил мужчин?

В глубине черных глаз Лу Ли промелькнула искра:

— А теперь любишь?

Какой же Се Цзяньвэй был проницательный — он и глазом не моргнув ответил:

— Не знаю, но тебя я люблю.

В глазах Лу Ли забрезжила улыбка.

Се Цзяньвэй поцеловал его и промолвил:

— Будь ты мужчиной или женщиной — неважно, я люблю только тебя.

Эти слова согрели Лу Ли до дрожи в сердце, но ответил он сплошной насмешкой:

— Будь я женщиной, тебе некому было бы здесь зуд унимать.

Се Цзяньвэй больше всего на свете не выносил, когда тот так улыбался — это выглядело до безумия красиво, поэтому он, целуя Лу Ли, снова принялся за свое.

Позже Се Цзяньвэй расспрашивал о самых разных вещах, касающихся его прошлого.

В словах Лу Ли было сорок процентов правды и шестьдесят — лжи:

— Твои родители скончались, тебя вырастила бабушка, но перед самым инцидентом ты сказал мне, что бабушка Се проходит курс лечения за границей, поэтому увидеть ее пока не получится.

Се Цзяньвэй спросил его снова:

— А кем я работаю?

Лу Ли улыбнулся:

— Ты невероятно крут. Унаследовал корпорацию Се и создал одну из ведущих бизнес-империй в стране.

Се Цзяньвэй нахмурился и тут же подыграл:

— Но я ничего не помню... — Сказав это, он с некоторым беспокойством добавил: — Как же я управлюсь с таким огромным хозяйством?

Лу Ли мягко погладил его по спине и невозмутимо произнес:

— Не переживай, разве я не рядом?

Глаза Се Цзяньвэя засияли, и он доверчиво посмотрел на него:

— А-Ли, ты обязательно должен мне помочь. Я все забыл, разве я смогу теперь руководить корпорацией Се?

В глубине глаз Лу Ли на мгновение мелькнула тень, но он все же ответил:

— Не бойся, я помогу тебе.

Вскоре после этого Се Цзяньвэй подписал множество документов.

Возможно, Лу Ли испытывал Се Цзяньвэя, поэтому даже не скрывал содержимого бумаг — обладай Се Цзяньвэй хоть каплей памяти, при виде подобных документов он наверняка пришел бы в ярость.

Ведь это значило полностью отдать корпорацию Се чужим людям, передав все свои активы стоимостью в десятки миллиардов прямо в руки Лу Ли.

И дело даже не в их прежних натянутых отношениях: даже будучи безумно влюбленной парой, Се Цзяньвэй в здравом уме и с сохранной памятью никогда бы так не поступил.

Но сейчас Се Цзяньвэй полностью доверял Лу Ли и подписал бумаги без малейших колебаний.

Лу Ли в упор смотрел на его руку, сжимавшую перьевую ручку, а бушующие в его душе эмоции были сложными и противоречивыми.

С одной стороны, он обрел покой: лишившись корпорации Се, Се Цзяньвэй, даже вернув память, уже никоим образом не смог бы уйти от него.

С другой стороны, его тревога лишь усилилась: совершив подобное, он знал, что, вспомнив всё, Се Цзяньвэй возненавидит его лютой ненавистью.

О какой любви тут говорить — Се Цзяньвэй захочет лишь убить его.

Как бы он ни прикрывался именем любви, поступок его был слишком запредельным.

Однако пути назад уже не было: эти короткие полмесяца амнезии Се Цзяньвэя нарисовали для Лу Ли слишком прекрасную картину.

Се Цзяньвэй любит его. Оказывается, быть любимым им — такое счастливое чувство.

Не испытав этого по-настоящему, он бы еще смог отступить, но теперь, вкусив столь сладких плодов, он тем более не мог представить, что станет, если всё это потерять.

Ему нужен был Се Цзяньвэй, непременно нужен. Даже если придется пойти на любые крайности.

Се Цзяньвэй не собирался выказывать и малейшей брешки. Какая к черту корпорация Се? Да он бы целую галактику к его ногам бросил.

После выписки людей, прибывших забирать Се Цзяньвэя, сменили полностью.

Все эти люди, называвшие себя его помощниками и водителями, оказались подчиненными Лу Ли.

Лу Ли не хотел, чтобы тот возвращал воспоминания, и разумеется, не собирался подпускать его к прежним знакомым.

Поскольку все они и так были незнакомцами, «потерявший память» Се Цзяньвэй воспринимал их с еще большим отчуждением. Подобная отчужденность до определенной степени подавляла воспоминания, гарантируя, что у Се Цзяньвэя, даже если бы у него имелся шанс что-то вспомнить, не останется и малейшего шанса на это.

Лу Ли отвез Се Цзяньвэя в их новый дом на берегу моря.

Лу Ли спросил:

— Узнаешь что-нибудь? Этот дом ты проектировал собственными руками.

Се Цзяньвэй удивился и обрадовался:

— Я проектировал?

Лу Ли улыбнулся:

— Мм, дом, который ты создал для нас двоих.

Се Цзяньвэй принял это на веру и сладко улыбнулся:

— Похоже, я и правда безумно тебя люблю.

Лу Ли оставил это без комментариев.

Се Цзяньвэй снова обнял его и вздохнул:

— Раньше очень любил, а теперь люблю еще сильнее.

Лу Ли слегка улыбнулся и оставил легкий поцелуй на кончике его уха:

— Я тоже тебя люблю.

Лу Ли вовсе занимался тем, что вольно или невольно переписывал память Се Цзяньвэя.

Этот дом и вправду спроектировал Се Цзяньвэй, только вот они отроду не провели в нем и дня.

Однако Лу Ли заново отремонтировал особняк, состарив обстановку, так что повсюду виднелись следы совместной жизни влюбленной пары.

Перемешанная одежда двоих в гардеробной, парные зубные щетки в ванной, удобные двуспальные подушки на мягкой кровати, а также кое-какие интимные пикантные штучки на прикроватной тумбочке.

Се Цзяньвэй выудил из ящика вибратор-яйцо и усмехнулся:

— И этой штукой пользовались?

Лу Ли ответил:

— Мм, ты сам засунул ее внутрь, чтобы меня соблазнить.

Лицо Се Цзяньвэя слегка порозовело, он положил вещь на место:

— Врешь.

Лу Ли произнес:

— Давай проверим, и сразу узнаешь... Вдруг твое тело еще помнит...

Се Цзяньвэй шутливо выругался:

— Пошел к черту!

В этот дом Лу Ли действительно вложил всю душу.

Оглядываясь по сторонам во время прогулки по комнатам, Се Цзяньвэй невольно проникался к нему искренней жалостью.

У них явно не было общих воспоминаний о спокойной совместной жизни пожилой супружеской пары, но Лу Ли силой собственного воображения сотворил их из ничего.

Се Цзяньвэй вовсе не страдал амнезией, но, наблюдая за всем этим день за днем, он даже сам начал сомневаться — а вдруг он и впрямь потерял память? Вдруг просто забыл этот период жизни вдвоем с Лу Ли?

Из этого можно было сделать вывод, насколько отчаянно старался товарищ старик Лу, создавая столь безупречную иллюзию, в которую поверил даже сам военный стратег Се.

Лу Ли усердно ограждал Се Цзяньвэя от любых контактов с внешним миром.

За полмесяца в больнице, не считая лечащего врача, Се Цзяньвэй не видел ни единой живой души.

А после выписки прошло больше месяца, но Се Цзяньвэй так и не покидал пределы их дома.

Большую часть работы Лу Ли перенес на дом, отлучаясь лишь ненадолго во второй половине дня, пока Се Цзяньвэй спал.

Стоило же Лу Ли переступить порог, как бесчисленные камеры наблюдения, опутавшие каждый уголок комнат, синхронно активировались, начиная пристально следить за каждым шагом Се Цзяньвэя.

Се Цзяньвэй мысленно прикинул: на охрану дома Лу Ли нанял по меньшей мере пару сотен человек.

Похоже, он решил его запереть.

Се Цзяньвэй, наконец-то заживший комфортной жизнью паразита, даже испытал некоторое облегчение.

Правда, время от времени ему приходилось помогать Лу Ли подчищать сюжетные дыры.

Например, взяв в руки пульт, Се Цзяньвэй поинтересовался:

— Что там нынче идет по телевизору из популярного?

Брови Лу Ли взметнулись вверх. Сохраняя невозмутимый вид, он перехватил пульт и переключил канал:

— Раньше ты любил это шоу.

Се Цзяньвэй с интересом уставился в экран, то и дело расплываясь в улыбке.

На следующий день этот телевизор прошел специальную модификацию: все выпуски новостей и актуальных событий исчезли бесследно, оставив лишь популярные сериалы да развлекательные передачи. К тому же весь контент прошел жесткую цензуру — ни единой рекламы, сплошная болтовня.

То-то же, подумал про себя Се Цзяньвэй: а что, если бы в один прекрасный день он по неосторожности включил новости, а там всю передавали бы о бурных волнениях в клане Се и о том, что глава Се, проходящий курс лечения, до сих пор бесследно исчез? Как быть тогда?

В конце концов, Се Цзяньвэй — фигура публичная.

Великий и ужасный Лу учел этот опыт на будущее: компьютеру тоже досталось особой заботы. Стоило Се Цзяньвэю войти в систему, как перед ним предстала чистейшая сеть в режиме

«суперэкологичного зонтика».

Се Цзяньвэй изо всех сил старался помочь ему обустроить эту золотую клетку. По правде говоря, столь послушную «канарейку» еще поискать.

Так неспешно пролетели два месяца. И когда Се Цзяньвэй уже решил, что всё идет как надо и он вполне может спокойно наслаждаться жизнью в клетке, откуда ни возьмись свалился незваный гость.

Клянусь богом, этот тип буквально свалился с небес! Се Цзяньвэй никак не мог взять в толк, как его личный помощник смог прорваться сквозь заслон из сотен охранников и вломиться во внутренний двор, защищенный лучше неприступной крепости!

Это было точь-в-точь как в той вчерашней телевизионной драме про Ласточку: бог весть какими судьбами ее занесло на императорские охотничьи угодья!

Младший помощник, в которого словно вселился демон актерского мастерства, едва завидя Се Цзяньвэя, тут же залился горькими слезами:

— Господин Се! Я пришел спасти вас! Скорее уходим отсюда, пока этот бессовестный зверь...

Се-канарейка-Цзяньвэй нарушил все правила игры:

— Алло, полиция? У меня в доме вор!

Помощник остолбенел с глупым выражением лица:

— ...

Младший помощник, чье сердце пылало беззаветной преданностью господину Се, был вот так безжалостно и хладнокровно отшит.

Чтобы тот не наговорил лишнего, Се Цзяньвэй сообразительным тоном подсказал охранникам:

— Заткните ему рот, а то развопился, соседей разбудит.

В их прибрежном особняке отродясь не было никаких соседей, если не считать таковыми местных чаек. Но охранники не стали ломать голову: птицы в клетке, чайки за окном — всякой пернатой твари положено быть соседями.

Получив подсказку, стражники тут же поспешно зажали помощнику рот.

Глаза у помощника покраснели. Выражение его лица в точности копировало преданного министра, который пытался вразумить помраченного чарами правителя, но потерпел крах. Ослабь охранники хватку хоть на секунду, он, пожалуй, тут же размозжил бы голову о дверной косяк ради «смертного увещания»!

Ради его же собственной безопасности Се Цзяньвэй с добрым сердцем распорядился:

— Вяжите крепче, смотрите, чтобы не сбежал.

Охранники закивали и принялись хлопать себя по груди, заверяя, что дюжине здоровяков скрутить какого-то сопляка — раз плюнуть.

Шум поднялся такой, что Лу Ли вернулся практически мгновенно.

Бросив первый же взгляд на помощника, скрученного наподобие новогоднего цыпленка в листьях бамбука, его сердце совершило дикий кувырок.

Он узнал этого паренька. Тот был одним из доверенных лиц Се Цзяньвэя, в чьи повседневные обязанности входило ведение дел многочисленных любовников главы Се, за что за ним закрепилось прозвище «главный евнух императорского гарема».

В свое время и самому Лу Ли доставалось немало «заботы» от этого типа.

Теперь же, стоило им встретиться взглядами, как главного помощника буквально разорвало от гнева: этот жеребец в человеческом обличье не только заморочил господину Се голову до потери рассудка, но еще и проявил звериную жадность, возжелав единолично захватить всю корпорацию Се!

Помощник уставился на Лу Ли и принялся яростно мычать.

Лу Ли:

— ...

Се Цзяньвэй вклинился в разговор:

— Я-то думал, какой-то воришка забрёл, а судя по виду, это твой личный недруг? Ты ему насолил?

Лу Ли повернулся к нему, его взгляд был необычайно сложен.

Се Цзяньвэй же переживал только за него:

— Можешь не вдаваться в подробности, я всё понимаю: в бизнесе всегда наживаешь врагов из числа мелких людишек, так что безопасность нашего дома нужно поставить на серьезную основу.

При этих словах Лу Ли слегка вздрогнул.

Се Цзяньвэй, с энтузиазмом роя себе могилу, рассуждал с самым серьезным видом:

— Забор нужно сделать повыше, на главных воротах поставить электронные замки, лучше всего пустить целую цепочку камер видеонаблюдения, а еще... — Он покосился на стоявшую рядом охрану и с некоторым презрением добавил: — Найми побольше стражников, и снабди их электрошокерами.

Пока он неторопливо излагал свои мысли, подскочившее к самому горлу сердце Лу Ли постепенно опускалось на место.

Слушавший всё это сбоку помощник издал горестный вопль: Господин Се! Этот зверь и так мечтал держать вас взаперти, а вы своими же руками лезете в ловушку, сами подрезаете себе крылья и добровольно запираетесь в этой глуши?!

Се Цзяньвэй глянул на убитого горем помощника и заметил:

— Видишь? Только услышал, что мы усилим охрану, как тут же разрыдался от горя — наверное, отчаялся оттого, что больше никогда не сможет прорваться сюда, чтобы отомстить тебе.

Лу Ли:

— ...

Услышав это, помощник едва не подавился собственным воздухом и чуть было не отбросил коньки.

Изначально помощник шел сюда по «сценарию», вероятно, чтобы посеять зерна сомнения в душе Се Цзяньвэя, постепенно разрушить его доверие к Лу Ли и запустить полосу тяжелой драмы.

Но военный стратег Се проявил такую изворотливость, что умудрился превратить битое стекло в леденцы, да так приторно-сладко, что сердце великого маршала едва не растаяло.

Этой же ночью Лу Ли упорно не желал выходить из тела Се Цзяньвэя.

От его ласк поясница Се Цзяньвэя онемела:

— Да... двигайся уже.

Лу Ли покусывал мочку его уха, а его низкий голос заставлял сердце Се Цзяньвэя сладко трепетать:

— А-Вэй, я люблю тебя.

Этой ночью Лу Ли был донельзя нежен, ублажая Се Цзяньвэя до исступления. Тот даже перестал чувствовать усталость и в безумном порыве предавался с ним страсти всю ночь напролет.

Бедолага Се на следующий день уже никак не мог подняться с постели.

Лу Ли провел весь день дома, не выходя наружу, и неотступно заботился о нем.

Хоть Се Цзяньвэй и так прекрасно знал, как сильно Лу Ли любит его, но из-за бесконечной суеты в реальном мире им еще не доводилось проводить время вот так, предавалось бесстыдному разгулу.

К тому же Лу Ли никогда раньше не обращался с ним как с хрупкой фарфоровой куколкой.

Причина крылась вовсе не в Лу Ли — просто сам Се Цзяньвэй был слишком силен. Десятилетие за десятилетием, за исключением того случая, когда Лу Ли угодил в западню, Се Цзяньвэй никогда и никому не показывал своей слабости.

Перед лицом мужчины, у которого всё и всегда получалось играючи, у Лу Ли просто не было шанса окружить его заботой, даже если ему безумно хотелось носить любимого на руках и пылинки с него сдувать.

Наслаждаясь ласками возлюбленного, золотая канарейка Се задумчиво прикинула: неужели в реальной жизни он был слишком самостоятельным, оттого Лу Ли и мучился страхом потери?

Благодаря вторжению помощника и требованиям самого Се Цзяньвэя, у Лу Ли появился самый благовидный предлог превратить этот особняк в неприступную крепость.

У Се Цзяньвэя же появился прекрасный повод помочь ему устранить все уязвимости.

В конце концов, в вопросах обороны военный стратег Се Цзяньвэй куда лучше маршала, мастера стремительных прорывов.

По крайней мере, самая надежная звездная тюрьма во всей галактике была спроектирована именно Се Цзяньвэем. Те инопланетные гранды, которых упрятали туда, после тысяч безуспешных попыток побега в конце концов махнули рукой и заявили, что собираются с улыбкой встретить остаток дней за решеткой.

В общем, всяких незваных гостей, желавших «свалиться с небес», удалось надежно отсечь за пределами клетки.

В промежутке Се Цзяньвэй ненадолго вернулся в реальность.

Хотя течение времени в сновидении и наяву различалось, Се Цзяньвэй пробыл во сне довольно долго, и в реальном мире накопилась куча неотложных дел.

Поскольку эта личность еще не до конца пришла в норму, Се Цзяньвэй не собирался будить Лу Ли, поэтому он напрямую подключился к оптическому мозгу и воспользовался своими давно заброшенными правами администратора.

После подавления мятежа галактика лежала в руинах, требуя восстановления практически с нуля, но благодаря раннему грамотному планированию теперь всё шло своим чередом, постепенно возвращаясь на круги своя.

Не прикасаясь ко всем этим делам уже несколько лет, Се Цзяньвэй не почувствовал ни малейшей утраты снаровки.

Он от природы мастерски оперировал любыми массивами данных и информации, а скорость его мысли была единственной во всей галактике за последние тысячелетия, сравнимой со скоростью света. То, на что у других уходили дни, он завершал за считанные минуты, демонстрируя запредельную эффективность.

Разобравшись с основными вопросами, Се Цзяньвэй вернулся в лабораторию.

Янь Кэ тут же поинтересовался:

— Взрослый, как продвигается лечение?

Се Цзяньвэй ответил:

— Почти закончил, уловил закономерность.

Янь Кэ с любопытством спросил:

— И что же нужно сделать, чтобы...

Се Цзяньвэй пояснил:

— Пока что мы можем лишь стабилизировать их состояние.

— А? — Янь Кэ не понял.

Се Цзяньвэй продолжил:

— Каждая субличность — это тоже Лу Ли. Их стирание недопустимо, это приведет к ментальной неполноценности, поэтому единственный выход — добиться их слияния. Но слияние — процесс обоюдный, придется дождаться стабилизации всех субличностей, прежде чем приступать.

Янь Кэ наконец осознал. Се Цзяньвэй был прав: прежде они пытались отыскать саму первопричину раскола, но что толку в ее поиске? Конечная цель — исцеление маршала, а первейшим условием для исцеления является слияние личностей.

Однако... Янь Кэ нахмурился:

— Субличности господина маршала уже начали истреблять друг друга. Как же их стабилизировать?

Се Цзяньвэй улыбнулся:

— Позволить ему получить желаемое.

Янь Кэ заморгал:

— Но он же не заставляет тебя любить его...

Се Цзяньвэй ответил:

— Значит, буду доказывать это снова и снова.

Взять, к примеру, Лу Ли из этого сна: тот вечно рвался запереть Се Цзяньвэя в темной комнате — ну так пусть запирает. Год не выйдет — пусть пройдет десять лет, десяти лет мало — будет

двадцать, а если и двадцати не хватит, разве не осталась целая жизнь?

Он всегда сможет исполнить его желание.

Начни он признаваться внезапно, Лу Ли из-за недоверия лишь сильнее распадется на части. А что насчет признания естественного, логично вытекающего из обстоятельств? Он заставит Лу Ли поверить, что любим.

К тому же, он и в самом деле безумно его любил.

Вернувшись в сон, Се Цзяньвэй при удобном случае тайком провернул одно дело.

Он связался с находившейся далеко за границей на «лечении» бабушкой Се.

Стоило бабушке Се взять трубку, как она с ходу выпалила:

— Кто такой Лу Ли?

Се Цзяньвэй:

— ...

Голос бабушки звучал очень строго:

— Цзяньвэй, ты всегда был умен, бабушка верит тебе, но в некоторых вещах нельзя переходить черту.

— Бабушка.

<http://bllate.org/book/21280/2156615>